

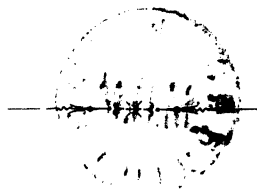
Н 24
1671

НА ВЬСОТЪ И НА ДОЛЪ

(ЦАРЕВНА СОФЬЯ АЛЕКСѢВНА)

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Евгенія Карновича.

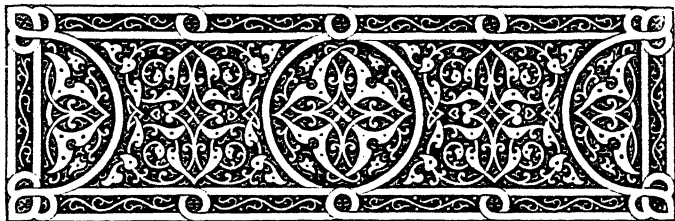

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1897.

Типографія С. Н. Худекова. Владимирській пр. № 12.

2004127163

I.

— Когда я была еще въ отроческомъ возрастѣ, явилась на небѣ чудная звѣзда съ превеликимъ хвостомъ и звали ее въ народѣ «хвостушею». Бывало, лишь зайдетъ солнце и она чуть-чуть, какъ пятнышко, покажется на востокѣ, потомъ за-мерцаетъ ярче, а ночью засіяетъ на темномъ небѣ свѣтлѣе всѣхъ звѣздъ. Смотрѣла я по-долгу на нее и о многомъ думалось мнѣ, но, знаешь ли, отче, мнѣ тогда становилось очень страшно...

Такъ говорила царевна Софья Алексѣевна стоявшему передъ нею монаху, который съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ каждому ея слову.

— Ты звѣздочетъ, такъ скажи мнѣ, что за звѣзда являлась тогда?—спросила пытливо царевна.

— Подобныя звѣзды нарицаются съ греческаго языка кометами, что́ будетъ значить волосатя звѣзды. Называются онѣ также звѣздами прогностическими или пророческими,—наставительно отвѣчалъ монахъ.

— Изъ чего же сотворены онѣ?—перебила съ живостью молодая дѣвушка.

— Изъ того, что полатыни зовется матеріею, а по гречески ээиромъ; ээиръ же для созданія такой звѣзды или кометы былъ сперва сгущенъ силою Божіею, а потомъ зажженъ солнцемъ.

Софья слово въ слово повторила это объясненіе.

— Такъ ли я уразумѣла твою рѣчь?—спросила она.

— Ты совершенно вѣрно пересказала мои слова, благородная царевна,—одобрительно и съ выраженіемъ удовольствія на лицѣ отозвался монахъ.

— А зачемъ же являются такіа звѣзды? ты знаешь или нѣтъ?

— Тайны Божіи непроницаемы для насъ, смертныхъ человѣковъ. Всего нашъ умъ объять не можетъ, но какъ убѣдились мудрецы, какъ толкуютъ умные люди и какъ поучаетъ исторія, кометы являются на небесахъ во знаменіе грядущихъ событій. Ходятъ онѣ превыше луны и звѣздъ, никто не отгадываетъ ихъ бѣга по тверди небесной, никто не вѣдаетъ, гдѣ и когда онѣ зарождаются, гдѣ и когда онѣ исчезаютъ,—поучалъ монахъ царевну.

— Ты говоришь, что кометы являются во знаменіе грядущихъ событій, а какихъ же? Расскажи мнѣ о томъ, отецъ Симеонъ,—сказала царевна: — Да ты, вѣрно, ужъ усталъ стоять, присядь,—ласково добавила она.

Царевна вела эту бесѣду съ монахомъ въ своемъ теремѣ. Въ той комнатѣ, гдѣ они теперь были, шла вдоль одной изъ стѣнъ лавка, покрытая персидскою камкою. Въ переднемъ или красномъ углу этой комнаты стоялъ подъ образами столъ

съ положенными на немъ книгами, а подлѣ него было большое, съ высокою рѣзною спинкою, обитое синимъ бархатомъ дубовое кресло, на которомъ сидѣла Софья Алексѣевна. По тогдашнему обычаю, на это единственное во всей комнатѣ кресло, кромѣ царевны, какъ хозяйки терема, а также навѣщавшихъ ее царя, парицы, членовъ царскаго семейства и патріарха, никто не могъ садиться. Всѣ же мужчины и женщины, какъ бы знатны и стары они ни были и какъ бы долго ни шла у нихъ бесѣда съ царевною, должны были во все время разговора оставаться передъ нею стоя и только пзрѣдка, въ видѣ особой милости, имъ дозволялось садиться на лавку поодаль отъ царевны.

Монахъ низко поклонился Софьи Алексѣевнѣ, благодаря ее поклономъ за чрезвычайный оказанный ему почетъ, и затѣмъ присѣлъ на лавку.

— Явленіе кометъ предвѣщаетъ разныя событія,—началь онъ:—чаще же всего предвѣщаютъ онѣ бѣдствія народныя, въ числѣ коихъ три бѣдствія полагаются главными: война, моръ и голодъ. Предвѣщаютъ кометы и о другихъ еще бѣдствіяхъ, какъ-то: о потопѣ, о кончинѣ славнаго государя и о паденіи какого либо знаменитаго царства. О наступленіи всѣхъ такихъ событій надлежитъ угадывать по тому, гдѣ впервые комета появится, на востокъ или на западъ, куда она свой хвостъ поворачиваетъ и куда сама направляется, въ какую пору наиболѣе блестить она, какого цвѣту бываетъ ея сіяніе, сколько главныхъ лучей идетъ отъ нее и многое, сверхъ того, еще наблюдать

должно. Для познанія всѣхъ предвѣщаній, дѣлаемыхъ кометою, нужны, царевна, и мудрость, и книжное ученіе и многолѣтняя опытность.

— Ты, отче, я думаю, всѣ небесныя явленія легко уразумѣть можешь!.. Какой ты счастливый!— какъ будто съ сожалѣніемъ о себѣ самой и съ завистью къ своему ученому собесѣднику проговорила царевна.

— Гдѣ все уразумѣть мнѣ, грѣшному человѣку!.. Но, впрочемъ, слава Господу, сподобилъ онъ меня понимать многое, — скромно замѣтилъ монахъ.

Наступило молчаніе. Монахъ, какъ казалось, размышлялъ самъ съ собою, а царевна, опершишь рукою на столъ и склонивъ на ладонь голову, обдумывала тѣ вопросы, которые хотѣлось ей предложить своему наставнику. Во время бесѣды любимая постельница царевны, Ѳеодора Родилица, родомъ украинская казачка, стояла, прислонившись спиною къ стѣнѣ. Съ видимымъ любопытствомъ старалась она прислушаться къ происходившему между царицею и Симеономъ разговору; но замѣтно было, что многое она не могла взять въ толкъ и, поутомившись порядкомъ, начинала позѣвывать и безпрестанно перемпinalась съ ноги на ногу.

— Ты бы, Семеновна, пошла да отдохнула, придешь ко мнѣ послѣ, — сказала царевна постельницѣ.

Родилица, приложивъ подѣ грудь вдоль пояса правую руку, отвѣсила ей низкій поклонъ и тихими шагами вышла изъ комнаты.

— Вѣдь наука гаданья по звѣздамъ называется

астрологією? Такъ?..—спросила Софья монаха по уходѣ постельницы.

— Ты вѣрно говоришь, благородная царевна,—отвѣчалъ онъ.

— А гаданіе, составленное по теченію звѣздъ, зовется гороскопомъ?

— И это вѣрно изволишь называть,—перебилъ Симеонъ.

— Видишь, преподобный отче, я все помню, чему ты наставляешь меня,—не безъ нѣкотораго самодовольства замѣтила Софья.

— Недостойнъ я, смиренный, такой славной ученицы, какъ ты, благовѣрная царевна! Сердце мое радуется, когда я смотрю на тебя, и дивлюсь я твоему уму-разуму и твоей жаждѣ къ познаніямъ.

На лицѣ Софьи мелькнуло удовольствіе при сдѣланной ей похвалѣ.

— А вѣдь по звѣздамъ можно гадать больше, чѣмъ по кометамъ?—спросила она.

— Рѣчь твоя разумна! кометы предвѣщаютъ только важнѣйшія, чрезвычайныя, такъ сказать, народныя или политическія событія, тогда какъ по сочетанію звѣздъ и планетъ можно предсказать судьбу каждого человѣка,—глубокомысленно замѣтилъ наставникъ.

— Скажи мнѣ, отче, но скажи по сущей правдѣ, извѣстно ли тебѣ, что при рожденіи брата моего, царевича Петра Алексѣевича, былъ составленъ гороскопъ, и не знаешь ли ты, что было предречено царевичу астрологами?—полушопотомъ

спросила Софья, не безъ волненія ожидая отвѣта на этотъ вопросъ.

— Слышаль я, — отвѣчалъ нерѣшительно монахъ: — будто бывшему здѣсь въ Москвѣ голландскому резиденту Николаю Гейнзію писалъ нѣчто изъ Утрехта землякъ его, профессоръ Гревій. Вѣдомо мнѣ также, что государь, твой родитель, посылалъ къ знаменитымъ голландскимъ астрологамъ приказъ, чтобы они составили гороскопъ новорожденному царевичу. Много золота онъ заплатилъ имъ за это. Предсказали же они царевичу, что онъ въ монархахъ всѣхъ славою и дѣяніями превзойдетъ, что сосѣдей враждующихъ смирить, дальнія страны посѣтитъ, мятежи внутренніе и нестроенія обуздаетъ, многія зданія на морѣ и на сушѣ воздвигнетъ, истребитъ злыхъ, вознесетъ трудолюбивыхъ и насадитъ благочестіе, гдѣ его не было, и тамъ покой приметъ. Слышно также, что и епископъ Димитрій, увидѣвъ звѣзду пресвѣтлую около Марса, предсказалъ твоему родителю, что у него будетъ сынъ, что ему наречется имя Петръ и что не будетъ ему подобнаго среди земныхъ владыкъ.

Царевна съ замѣтнымъ безпокойствомъ прислушивалась къ разсказу своего собесѣдника, который, пріостановившись немного, таинственно, чуть слышнымъ голосомъ добавилъ:

— Но за то вѣкъ его будетъ непродолжителенъ.

Софья какъ будто встрепенулась при этихъ словахъ.

— А что пророчать звѣзды о моей судьбѣ? — тре-

можно спросила она:—Вѣдь ты, отецъ Симеонъ, обѣщаль составить мой гороскопъ.

— До сихъ еще поръ сочетаніе планетъ и теченіе другихъ свѣтилъ небесныхъ не благопріятствовали мнѣ и я не могъ начертать весь твой гороскопъ. Я знаю пока только то, что ты, благовѣрная царевна, будешь на высотѣ,—торжественно-пророческимъ голосомъ проговорилъ монахъ.

Софья быстро поднялась съ креселъ, щеки ея вспыхнули яркимъ румянцемъ и она уперла свои смѣлые глаза на Симеона, который быстро приподнялся съ лавки.

— А развѣ я теперь не на высотѣ, а на долѣ?— гордо и раздраженно спросила она: — Развѣ я не московская царевна, не дочь и не внучка великихъ государей всея Руси? Мачиха моя, царица Наталія Кириловна, никогда не отниметь и не умалить моей царственной чести...

— Не о высотѣ твоего рожденія говорю я, благовѣрная царевна,—спокойно перебилъ Симеонъ:— на эту высоту поставилъ тебя Господь Вседержитель, такъ что ты тутъ не при чемъ. Я говорю о другой высотѣ, о той, какой ты сама, при помощи Божіей, можешь достигнуть...

Тяжело дыша, прислушивалась Софья къ словамъ монаха.

— О какой же высотѣ говоришь ты?—рѣзко спросила она: — Развѣ я могу стать еще выше? Развѣ у насъ, въ московскомъ государствѣ, для женскаго пола, кромѣ терема да монастыря, есть что нибудь другое? Развѣ есть у насъ такой путь, на

которомъ женщина можетъ вознестись и прославиться? Ты, отецъ Симеонъ, хотя родомъ и изъ Польши, но давно живешь въ нашей сторонѣ и пора бы тебѣ ознакомиться съ нашими обычаями, и знать, что на Москвѣ не такъ, какъ у васъ въ Польшѣ...

— Знаю, хорошо знаю я всѣ ваши московскіе обычаи,—заговорилъ монахъ:—вѣдомо мнѣ, что они совсѣмъ иные противъ того, что ведется въ Польшѣ и въ другихъ чужеземныхъ государствахъ; да развѣ, сказать примѣромъ, хотя бы въ греческой странѣ, въ Византіи, гдѣ женскій полъ былъ въ такой же неволѣ, какъ и у васъ, не мало прославилось женщинъ изъ царскаго рода.

— Садись, отче,—сказала Софья Симеону, опускаясь сама опять въ кресло:—и расскажи мнѣ о нихъ что нибудь.

Монахъ сѣлъ на лавку на прежнее мѣсто.

— Я расскажу тебѣ, благовѣрная царевна, о дщери греческаго кесаря Аркадія, о царевнѣ Пульхеріи. Жила она двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. По смерти отца ея, правленіе имперіею греческою перешло къ брату ея Θεодосію; онъ былъ скорбень главою, а она была свѣтла умомъ и тверда волею. Сталъ при немъ управлять царствомъ пѣстунъ его Антиохъ, родомъ персъ, но царевна не стерпѣла этого: она удалила Антиоха отъ царскаго двора и начала править за своего брата. Нашлись, однако, у нее враги и повели дѣло такъ, что братъ царевны, наущенный ими, приказалъ заключить ее въ дальній монастырь. Она сошла съ высоты, но не долго

пребывала на долѣ. Вскорѣ возвратилась она въ царскіе чертоги, снова взяла власть надъ братомъ и правила царствомъ до самой его кончины...

— Что же случилось съ нею потомъ? — торопливо перебила Софья, съ напряженнымъ вниманіемъ слушающая повѣствованіе монаха.

— По смерти брата, царская власть осталась въ ея рукахъ, но такъ какъ въ Византіи не было обычая, чтобы замужня женщина, а тѣмъ паче дѣвица, заступала мѣсто кесаря, то Пульхерія взяла себѣ въ супруги прославившагося и добродѣтельнаго полководца Маркіана, но власти ему не дала. Осталась она и въ бракѣ съ нимъ дѣвственницею и со славою управляла царствомъ до конца своей жизни.

— Но вѣдь, кромѣ нее, были и другія женщины, которыя правили царствомъ; я помню, ты рассказывалъ мнѣ о королевѣ аглицкой Елизаветѣ; да въ нашемъ царствѣ, какъ значится въ «Степенныхъ Книгахъ», прославилась благовѣрная великая княгиня Ольга...

— Ну, вотъ видишь, благородная царевна, значить, и въ російскомъ царствѣ были именитыя жены...

— Иные тогда, какъ видно, были обычай, женскій полъ былъ тогда свободенъ; царицы и царевны не сидѣли въ заперти въ своихъ теремахъ, какъ сидятъ теперь. Знаешь, ли преподобный отче, какъ я тоскую!.. Что за жизнь наша! Смотрю я на моихъ старыхъ тетокъ и думается мнѣ, какъ безутѣшно скоротали онѣ свой вѣкъ: никакихъ ра-

достей у нихъ не было! На что мнѣ всѣ богатства, на что мнѣ золото и камни самоцвѣтные, когда нѣтъ никакой воли? Развѣ такъ живутъ чужестранныя королевны?

— Что и говорить о томъ, благовѣрная царевна. Въ вашей царской семьѣ жизнь повелась инымъ обычаемъ; царевенъ замужъ за своихъ подданныхъ родители не выдаютъ, а иностранные принцы въ Москву свататься не ѣздятъ.

— А межъ тѣмъ, гдѣ же найдешь для мужа лучшее житье, какъ не у насъ на Москвѣ? — улыбувшись, перебила Софья: — Вотъ посмотри, чему поучаютъ у насъ — сказала она, взявъ со стола переплетенныя въ кожуру кописныя поученія Козьмы Халкедонскаго. — «Пытайте, — начала она читать: — ученье, которое говорить: женѣ не вели учить, ни владѣти мужемъ, но быти въ молчаніи и покореніи. Рабъ бо разрѣшится отъ работы господскія, а женѣ нѣтъ разрѣшенія отъ мужа». Поучаютъ также у насъ, что отъ жены древнезмійный грѣхъ произошелъ и что съ него всѣ умираютъ. Выходитъ такъ, что нашъ полъ во всемъ виноватъ, а мужской изъ-за насъ неповинно страдаетъ...

— Это древнее ученіе, сила его ослабѣла, — возразилъ Симеонъ.

— Да, у просвѣщенныхъ народовъ, а не у насъ; ты самъ не мало разъ мнѣ говорилъ, что народъ нашъ еще не просвѣщенъ, замѣтила Софья.

— Не просвѣщенъ-то онъ не просвѣщенъ, это такъ, а все же и у васъ людей разумныхъ и

книжныхъ наберется не мало, только нѣтъ имъ ходу, да и мало кто знаетъ о нихъ. Вотъ хотя бы Селиверстъ Медвѣдевъ... какой умный и ученый человѣкъ! Соизволь, царевна, чтобы я привелъ его къ тебѣ, ты побесѣдуешь съ нимъ и на пользу и въ угоду себѣ.

— Я не прочь отъ знакомства съ такими людьми, приведи его ко мнѣ; онъ, статья можетъ, вразумить меня многому, а тебѣ, преподобный отче, приношу мое благодареніе за то, что ты наставляешь меня всякой премудрости и божеской и людской. Принеси мнѣ еще твоихъ писаній, читаю я ихъ съ отрадою, а теперь иди съ Богомъ.

Монахъ сталъ креститься передъ иконою и потомъ поклонился въ ноги царевнѣ, которая пожаловала его къ рукѣ, а онъ благословилъ ее. Послѣ этого Симеонъ вышелъ, а царевна, оставшись въ креслахъ, глубоко задумалась: разсказъ о царевнѣ Пульхеріи запалъ въ ея мысли. Ей казалось, что положеніе этой царевны было во многомъ сходно съ тѣмъ, въ какомъ она сама находилась.

II.

Непритворно сѣтовала Софья Алексѣевна передъ Симеономъ на свою долю. Жизнь московскихъ царевенъ была для нее не весела и казалась гораздо хуже, чѣмъ жизнь дѣвушки-простолюдинки, пользовавшейся до замужества свободою въ роди-

тельскомъ домѣ. Чѣмъ выше было въ ту пору общественное положеніе родителей дѣвицы, тѣмъ болѣе стѣснялась ея свобода, а царевны въ своихъ теремахъ жили въ безысходной неволѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что ни въ одномъ изъ тогдашнихъ русскихъ монастырей не было столько строгости, воздержанія, постовъ и молитвъ, сколько въ теремахъ московскихъ царевенъ. Во всемъ этомъ могло быть не мало и лицемѣрія, а при немъ еще тяжелѣе становилось строгое соблюденіе изстари заведенныхъ порядковъ. Царевенъ держали настоящими отшельницами: онѣ тихо увядали, осужденныя на жизнь вѣчныхъ затворницъ. Имъ были чужды тревоги молодой жизни, хотя бы сердце и подсказывало порою о любви, о которой, впрочемъ, онѣ могли узнавать развѣ только по сказкамъ своихъ нянюшекъ, болтавшихъ по вечерамъ о прекрасныхъ царевичахъ. Вѣроятно, впрочемъ, что на большинство царственныхъ отроковицъ и сказки съ любовнымъ содержаніемъ производили самое слабое впечатлѣніе. Привыкнувъ отъ ранняго дѣтства къ своему затворничеству въ теремѣ, царевны ограничивали свои помыслы лишь потребностями зауряднаго домашняго обихода; сердечнымъ ихъ порывамъ не было ни простора, ни исхода; имъ не на кого даже было направить ихъ дѣвичьи мечты и грѣзы, если бы онѣ случайно встревожили и взволновали ихъ.

Изъ постороннихъ мужчинъ никто не могъ входить въ ихъ терема, кромѣ патріарха, духовника да ближайшихъ сродниковъ царевенъ, при томъ и

изъ числа этихъ сродниковъ допускались туда только пожилые. Врачи, въ случаѣ недуга царевенъ, не могли ихъ видѣть. Изъ теремовъ царевны ходили въ дворцовыя церкви крытыми переходами, не встрѣчая на своемъ пути никого изъ мужчинъ. Въ церкви были онѣ незримы, такъ какъ становились на особомъ мѣстѣ въ тайникахъ, за занавѣсью изъ цвѣтной тафты, черезъ которую и онѣ никого не могли видѣть. Рѣдко выѣзжали царевны изъ кремлевскихъ хоромъ на богомолье или на лѣтнее житье въ какое нибудь подмосковское дворцовое село, но и во время этихъ переѣздовъ никто не могъ взглянуть на нихъ. Царевенъ обыкновенно возили ночью, въ наглухо закрытыхъ рыдванахъ съ поднятыми стеклами, а при проѣздѣ черезъ города и селенія стекла задерживались тафтою. Онѣ не являлись ни на одинъ изъ праздниковъ, бывавшихъ въ царскомъ дворцѣ. Только при погребеніи отца или матери царевны могли идти по улицѣ пѣшкомъ, да и то въ не проницаемыхъ покрывалахъ и за-слоненныя по бокамъ «запонами», т. е. суконными полами, которыя со всѣхъ сторонъ около нихъ несли сѣнныя дѣвушки. Въ пріѣздѣ царевны или царевенъ въ какую нибудь церковь или въ какой нибудь монастырь соблюдались особые строгіе порядки. Въ церкви не могъ быть никто, кромѣ церковниковъ. По пріѣздѣ же въ монастырь, всѣ монастырскія ворота запирались на замки, а ключи отъ нихъ отбирались; монахамъ запрещалось выходить изъ келій; службу отправляли пріѣзжавшіе съ царицею или царвною попы, а на клиросахъ